

Oleg Mikhin (ROSYJSKI PAŃSTWOWY UNIwersYTET HUMANISTYCZNY W MOSKWIE)

ORCID: 0009-0000-1613-4140

Иерархия самоидентификации высших офицеров
польского происхождения в поздней Российской империи.
(На материале биографий Б. Громбчевского,
Ю. Довбор-Мушницкого и Я. Яцины)

DOI: 10.25951/11128

STRESZCZENIE

Hierarchia samoidentyfikacji wyższych oficerów polskiego pochodzenia w późnym Imperium Rosyjskim. (Na materiałach biografii Bronisława Grąbczewskiego, Józefa Dowbor-Muśnickiego i Jana Jacyny)

Niniejszy artykuł bada hierarchię samoidentyfikacji wyższych oficerów polskiego pochodzenia w służbie Imperium Rosyjskiego od drugiej połowy XIX do początku XX w. Zwrócono uwagę na korelację tożsamości narodowej badanych postaci z tożsamością religijną i społeczną, a także na czynnik honoru wojskowego i lojalności wobec dynastii Romanowów. Studium biografii Bronisława Grąbczewskiego, Jana Jacyny i Józefa Dowbora-Muśnickiego ujawnia czynnik samoidentyfikacji sytuacyjnej, który przejawia się w momencie wyboru strategii postępowania.

SŁOWA KLUCZOWE: wyżsi oficerowie, Imperium Rosyjskie, tożsamość narodowa, tożsamość religijna, tożsamość społeczna, Bronisław Grąbczewski, Jan Jacyna, Józef Dowbor-Muśnicki.

SUMMARY

Hierarchy of Self-Identification of the High-Ranking Officers of Polish Origin in the Late Russian Empire. (On the Material of the Biographies of Bronisław Grąbczewski, Józef Dowbor-Muśnicki and Jan Jacyna)

This article studies the hierarchy of self-identification of the high-ranking officers of the Polish origin in the service of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. Attention is paid to the correlation of the national identity of the studied figures with religious and social identity, as well as the factor of military honour and loyalty to the dynasty

of Romanovs. The study of the biographies of Bronisław Grombaczewski, Jan Jacina and Józef Dowbor-Musnicki reveals the factor of situational self-identification, which manifests itself at the moment of choosing a behavioural strategy.

KEYWORDS: high-ranking officers, Russian Empire, national identity, religious identity, social identity, Bronisław Grąbaczewski, Jan Jacyna, Józef Dowbor-Muśnicki.

Введение

В результате трех разделов Речи Посполитой 1772, 1793 и 1795 гг. к Российской империи отошли порядка 463 тыс. км² с более чем пятью миллионами человек¹, которых отличали религиозная, этническая и сословная раздробленность, что не могло не стать вызовом для Петербурга. В 1815 году за Россией было закреплено Царство Польское с более однородным (по национальному и конфессиональному признакам) составом населения, нежели в западных губерниях Российской империи, бывших кресах Речи Посполитой. Следовательно, империи необходимо было осуществлять политику взаимодействия с местными элитами, отличавшимися известным свободолюбием и многочисленностью (так, от 5 до 10% населения Речи Посполитой было представлено дворянством, в отличие от, к примеру, центральных областей России, где данный показатель составлял 1%²), а также обеспечения лояльности местного населения центру.

Однако либеральный дрейф в политике Петербурга по отношению к западным окраинам и Царству Польскому завершился с подавлением восстания 1830-1831 гг., по итогам которого широкая автономия Царства была урезана. Характеризовалось это следующим: были упразднены личная уния, связывавшая династическим единством Царство Польское и Российскую империю, независимый сейм и собственная армия³. Ее нижние чины и офицеры были включены в состав военных структур империи, будучи подвергнутыми разного рода ограничениям, к примеру, преимущественная служба шляхтичей за пределами территорий бывшей Речи Посполитой⁴. Таким

¹ *Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii*, otv. red. M.D. Dolbilov, A.I. Miller, Moskva 2007, s. 73.

² *Ibidem*, s. 76.

³ *Ibidem*, s. 101.

⁴ L.E. Gorizontov, *Paradoksy imperskoi politiki: poliaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX – nachalo XX veka)*, Moskva 1999, s. 38–39.

образом, Царство Польское и его армия были инкорпорированы в состав Российской империи, а солдаты и офицеры его армии, не затронутые маховиком репрессий, были включены в состав Русской императорской армии.

Ко второй половине XIX века поляки играют значительную роль в функционировании военного аппарата Российской империи. Так, в 1887 г. среди 32 806 офицеров РИА порядка 2900 человек, то есть 9% от общего состава, были польского происхождения. Для сравнения, русских среди офицерского корпуса – 58%, немцев – 23%⁵. Следовательно, поляки количественно занимают важную нишу в иерархии офицерства РИА. Это наблюдается и позднее. Например, в 1912 г. среди 48 615 офицеров 5,4% (2625 человек) – поляки, по многочисленности уступающие лишь русским (87,2%, 42 392 человек). Кроме того, 3,2% (42 человека) генералитета РИА было представлено поляками, что сопоставимо с показателем немцев в данной категории – 6,3% (82 человека), уступающим, в свою очередь, лишь генералам русского происхождения – 86,6% (1125 человек)⁶.

Названный выше фактор свидетельствует о том, что генералы польского происхождения пользовались достаточным доверием власть имущих в Российской империи, чтобы занимать высокие звания полковников, генералов и т.д. Кроме того, они зачастую, благодаря личным связям, занимали высокое положение при дворе, порой были вхожи в царскую семью. Яркими примерами подобных деятелей являются генералы Русской императорской армии польского происхождения Ян Яцина (1864–1930), Юзеф Довбор-Мусницкий (1867–1937) и Бронислав Громбчевский (1855–1926), изучение биографий которых призвано определить иерархию самоидентификации высших офицеров-поляков в Российской империи.

Такой выбор рассматриваемых деятелей обусловлен: принадлежностью к разным поколениям Б. Громбчевского, с одной стороны, и Ю. Довбор-Мусницкого и Я. Яцины с другой (так, первый смог в сознательном возрасте застать события восстания 1863 г.); их происхождением из разных регионов Российской империи (Я. Яцина родился и вырос в Санкт-Петербурге, имперском центре; Б. Громбчевский появился на свет в имении в Ковенской губернии – на западной окраине империи; Ю. Довбор-Мусницкий – в городе Гарбув Люблинской губернии, то есть на территории Царства Польского); особенностями их военной и государственной службы Российской империи

⁵ М. Kulik., *Polacy wśród wyższych oficerów armii rosyjskiej Warszawskiego Okręgu Wojskowego (1865–1914)*, Warszawa 2008, s. 33.

⁶ S.V. Volkov, *Russkii ofitserskii korpus*, Moskva 1993, s. 354.

(карьера Б. Громбчевского как крупного управленца, а также ученого-географа; успешная военная карьера Ю. Доббор-Мусницкого и Я. Яцины, их принадлежность к высшему командному составу Русской императорской армии в годы Первой мировой войны). Следовательно, мы полагаем, что данный выбор достаточно репрезентативен для анализа мировосприятия представителей польских военных элит.

Исследование главным образом базируется на опубликованных источниках различной видовой принадлежности: источниках личного происхождения и делопроизводственных материалах, а также публицистике.

Первая группа источников представлена мемуарами и воспоминаниями высших офицеров-поляков. При исследовании биографии Я. Яцины мы обращаемся к его книге «30 лет в столице России (1888–1918)» 1926 г.⁷ В ней автор подробно описывает свой жизненный путь с детства до вынужденного переезда в Королевство Польское летом 1918 г. Я. Яцина довольно критично отзывался о Российской империи, что, как мы полагаем, связано с его желанием реабилитировать свою службу «царизму» в глазах польской общественности и обезопасить себя от ротации кадров пилсудчиками, поскольку этот труд публикуется в 1926 г., когда в Польше был установлен авторитарный режим Ю. Пилсудского.

В случае Ю. Доббор-Мусницкого мы обращаемся к книге «Мои воспоминания» издания 1935 г.⁸ Учитывая то, что эта книга была издана также в 1936 г., мы используем в настоящей работе вариант 1935 г., так как он значительно объемнее (375 страниц издания 1935 г. и 132 страницы в публикации 1936 г.) и содержит больше сведений о российском периоде жизни Ю. Доббор-Мусницкого. В этой книге автор отзывался о Российской империи и службе Дому Романовых более положительно, нежели Я. Яцина. Вероятно, это связано с неприятием Ю. Доббор-Мусницким политического курса Ю. Пилсудского, нахождением его фактически в оппозиции к режиму санации. Мы полагаем, что к воспоминаниям Ю. Доббор-Мусницкого, несмотря на имеющийся в них значительный политический посыл против Пилсудского, следует относиться с большим доверием, нежели к эгодокументам Я. Яцины. Это проистекает из того, что Ю. Доббор-Мусницкий не скрывает своей карьерной преемственности от Российской империи ко Второй Речи Посполитой, не пытается реабилитировать себя в польском обществе и сформировать вокруг себя образ ненавистника царского режима. Впрочем, это

⁷ J. Jacyna, *30 lat w stolicy Rosji (1888–1918): wspomnienia*, Warszawa 1926.

⁸ J. Dowbor-Muśnicki, *Moje wspomnienia*, Warszawa 1935.

может быть связано и с уходом Ю. Довбор-Мусницкого от дел в последние годы жизни.

В случае биографии Б. Громбчевского мы обращаемся к его труду «На службе российской», впервые опубликованному в 1926 г. после смерти автора⁹. Воспоминания Б. Громбчевского прерывается примерно 1906 г. Впрочем, представленный в книге материал позволяет подробно ознакомиться с российским периодом жизни Б. Громбчевского. Однако следует заметить, что зачастую автор, на наш взгляд, ведет своеобразное авантюрное повествование, которое заставляет усомниться в достоверности некоторых данных. К примеру, необходимо скептически относиться к диалогам, переданным Б. Громбчевским, в частности, к его диалогам с Николаем II, поскольку, вероятно, он воспроизводил их по памяти.

Вторую группу источников составляют воспоминания русских военнополитических деятелей, к которым можно отнести книгу А.И. Деникина «Путь русского офицера»¹⁰, а также воспоминания великого князя Кирилла Владимировича «Моя жизнь на службе России»¹¹. Данные труды представляют нам полезными при взгляде на описанные высшими офицерами-поляками факты «с русской точки зрения», составляя более целостную картину восприятия тех или иных явлений.

Третьей группой источников является публицистическая литература, в состав которой входят книги А.Н. Куропаткина «Русская армия»¹² и Л. Василевского «Что такое так называемый „неославизм“»¹³, благодаря которым можно провести анализ таких явлений общественной мысли Российской империи, как начало восприятия концепции национального государства среди русского генералитета, и развитие неославизма на русской почве.

Кроме того, в данном исследовании мы обращаемся к материалам архивных фондов 400 «Главный штаб Военного министерства, г. Петербург» и 409 «Послужные списки, аттестации и наградные листы офицеров русской армии (коллекция)» Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), чтобы уточнить некоторые биографические сюжеты из жизни Б. Громбчевского и Ю. Довбор-Мусницкого.

⁹ B. Grombchevskii, *Na sluzhbe rossiiskoi: fragmenty vospominanii*, per. s pol'sk. M.G. Leonov; lit. red. per. E.G. Korol'kova, Moskva 2016.

¹⁰ A.I. Denikin, *Put' russkogo ofitsera*, Moskva 2012.

¹¹ Kirill Vladimirovich, *Moia zhizn' na sluzhbe Rossii*, Sankt-Peterburg 1996.

¹² A.N. Kuropatkin, *Russkaia armia*, Sankt-Peterburg 2003.

¹³ L. Wasilewski, *Czym jest tak zwany «neoslawizm»*, Warszawa 1910.

В исследовательской литературе можно выделить следующие группы.

Во-первых, это работы, посвященные имперской политике в Царстве Польском и на западных окраинах Российской империи. Среди них выделяются такие труды, как исследование «Западные окраины Российской империи»¹⁴, охватывающее широкий спектр вопросов – от политики Петербурга по отношению к католической церкви до наследования недвижимого имущества поляками. Научный интерес представляет монография Л.Е. Горизонтова «Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX вв.)»¹⁵, в которой проводится подробный анализ механизмов реализации правительственных решений в сферах ассимиляции, национальной дискриминации, взаимодействия центра и местных элит. Также к этой группе можно отнести работу А.И. Миллера «Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования»¹⁶.

Следующую группу исследовательской литературы составляют труды, рассматривающие проблематику многонациональной Русской императорской армии и коммуникации в ней представителей национальных меньшинств с русскими. Проблематику сохранения у высших офицеров польского происхождения в Российской империи собственной национальной идентичности комплексно изучает В. Цабан в статье «Поляк или русский. Влияние службы поляков в царском офицерском корпусе в XIX в. на их национальное сознание».

Также можно отметить работы «На службе в царской армии накануне Первой мировой войны (к вопросу о векторе социальной мотивации)»¹⁷ Д.Г. Дмитриева, которая характеризуется довольно подробным анализом положения поляков (в основном нижних чинов) в Русской императорской армии, и «Русский офицерский корпус»¹⁸ С.В. Волкова, которая предоставляет богатый статистический материал относительно национального состава русского офицерства. Важной для данного исследования представляется монография М. Кулика «Поляки среди высших офицеров русской армии Варшавского военного округа»¹⁹. В ней автор акцентирует внимание на тен-

¹⁴ *Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii.*

¹⁵ L.E. Gorizontov, *Paradoksy imperskoi politiki.*

¹⁶ A.I. Miller, *Imperiia Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniia*, Moskva 2008.

¹⁷ D.G. Dmitriev, *Poliaki na sluzhbe v tsarskoi armii nakanune Pervoi mirovoi voiny (k voprosu o vektore sotsial'noi motivatsii)*, „Slavianskii al'manakh” 2014, № 1–2, s. 134–141.

¹⁸ S.V. Volkov, *Russkii ofiterskii korpus.*

¹⁹ M. Kulik, *Polacy wśród wyższych oficerów armii rosyjskiej.*

денциях, присущих высшим офицерам-полякам в Русской императорской армии, их восприятие военной среды и службы, в частности, мотивы переезда офицеров-поляков на периферию империи.

Далее следует отметить работы, в которых изучаются биографии рассматриваемых нами деятелей. Так, внимания заслуживает статья М. Кулика «Братья Довбор-Мусницкие – поляки на русской службе», которая интересна для сравнения офицерских карьер Ю. Довбор-Мусницкого и его братьев Константина и Чеслава. Ценными представляются приводимые М. Куликом сведения об изменении конфессиональной принадлежности Ю. и К. Довбор-Мусницких, что повлияло на их продвижение по службе в Российской империи²⁰. Также мы используем «Словарь генералов Войска Польского 1918–1939»²¹ П. Ставецкого, который приводит сжатую информацию о карьерных путях генералов Второй Речи Посполитой. Этот справочник, безусловно, содержит неполную, требующую уточнений информацию, однако зачастую полезен при датировке определенных эпизодов жизни рассматриваемых деятелей.

В целом же следует отметить, что отечественная литература затрагивает фигуры рассматриваемых нами высших офицеров-поляков довольно редко, касаясь лишь отдельных сюжетов (экспедиции Б. Громбчевского, политические представления Ю. Довбор-Мусницкого), в то же время совершенно игнорируя фигуру Я. Яцины. Вероятно, это связано с языковым барьером и отсутствием переводов книг Я. Яцины и Ю. Довбор-Мусницкого на русский язык. Впрочем, намечается положительная тенденция – к примеру, в 2016 г. издан перевод книги «На службе российской» Б. Громбчевского, на котором мы базируемся в нашем исследовании. Тем не менее, российская историография практически не затрагивает сюжеты из биографий высших офицеров польского происхождения. По большей части рассматриваются лишь глобальные тенденции Русской императорской армии в контексте национальной политики Российской империи. Предполагаем, что польская историография разработала этот вопрос в большей степени, хотя польские исследователи также вынуждены столкнуться с языковыми и логистическими барьерами, прежде всего в подборе материалов из российских архивов. Таким образом, наша работа призвана восполнить этот пробел в изучении совместных российско-польских исторических сюжетов.

²⁰ M. Kulik, *Bracia Dowbor-Muśnicy – Polacy na służbie rosyjskiej*, „Niepodległość i Pamięć” 2016, nr 4, s. 53–72.

²¹ P. Stawiecki, *Słownik generałów Wojska Polskiego 1918–1939*, Warszawa 1994.

Национальный фактор самоидентификации высших офицеров-поляков в Российской империи

«Помню, когда отец прощался и благословлял нас, губы его дрожали. Потом он велел нам стать на колени, поднять правую руку и присягнуть, что будем слушаться матушку, никогда не предадим нашей «польскости» и не позволим использовать себя во вред нашей отчизне. Мы дали клятву»²². Б. Громбчевский, офицер Русской императорской армии, исследователь Центральной Азии, астраханский губернатор и атаман Астраханского казачьего войска, особо отмечает этот эпизод из своего детства, когда пишет мемуары на склоне лет, находясь уже в независимой Польше. Эпизод прощания с отцом, сосланным за участие в Январском восстании 1863 г. в Сибирь, оказал решительное влияние на его жизненный путь и построение военной карьеры в Российской империи: «Сцена эта произвела на меня ошеломляющее впечатление и сохранилась в памяти на всю жизнь. Сейчас, на закате дней моих, картина минувшего так ясно стоит перед глазами, будто бы все произошло минуто назад»²³.

Это внутреннее переживание мотивировало Б. Громбчевского при поступлении на военную службу в Русскую императорскую армию в 1875 г. ходатайствовать о переводе из Варшавы в Туркестан, чтобы в случае конфронтации «не быть использованным против своих соплеменников»²⁴. Стремление проходить военную службу не на территории Царства Польского не было уникальным. М. Кулик отмечает, что среди поляков наблюдалась тенденция подавать прошения о переводе на Восток по тем же причинам. Кроме того, политика руководства Русской императорской армии способствовала этому. Так, поляк мог высоко продвинуться по службе лишь за пределами русской Польши (например, Роберт Борковский переехал из Хельма в Гродно, а Каетан Болеслав Ольшевский перебрался из Варшавы в Брянск), а кроме того, причинами переезда зачастую служили экономические условия – доплаты за службу на границах империи²⁵. Любопытно также, что, как пишет Д.Г. Дмитриев, до половины личного состава войск в Центральной Азии и Сибири составляли выходцы из Царства Польского, но следует подчерк-

²² Б. Grombchevskii, *Na sluzhbe rossiiskoi*, s. 16.

²³ *Ibidem*.

²⁴ *Ibidem*.

²⁵ М. Kulik, *Polacy wśród wyższych oficerów armii rosyjskiej*, s. 92.

нуть, что речь идет о солдатах польского происхождения, а не об офицерах, имевших возможность выбора места прохождения службы. В большинстве случаев офицеры-поляки все же служили на территории Варшавского военного округа²⁶.

Итак, Б. Громбчевский, руководствуясь патриотическими соображениями и упомянутой им концепцией «польскости», которые культивировались семейными традициями, вскоре после недолговременной службы в Варшаве был переведен в Туркестанские линейные войска²⁷. Во время службы в Центральной Азии Б. Громбчевский достиг определенных успехов. Так, например, в 1893 г. за разработку и проведение дороги в труднодоступной горной местности ему было предоставлено звание полковника вне очереди²⁸.

Исходя из сказанного выше следует, что в первую очередь к службе в Центральной Азии Б. Громбчевского побудил национальный фактор самоидентификации.

Превалирование в системе миропонимания своего национального происхождения наблюдается у рассматриваемых в нашем исследовании деятелей (Б. Громбчевский, Я. Яцина и Ю. Довбор-Мусницкий) и во многом связано с их воспитанием. Будучи выходцами из шляхетских родов, они воспитывались в духе любви к Польше, ее традициям и культуре²⁹. Ю. Довбор-Мусницкий отмечает, что его мать всегда напоминала ему, что он поляк, а также подарила ему «веру в возрождение Польши», а кроме того – чувство «рыцарственности», то есть благородства, которым безусловно должен обладать дворянин³⁰. Чувство гордости за свою семью, ответственности перед предками и глубокий анализ своей родословной позволяют выделить социальный компонент как элемент самовосприятия исследуемых деятелей. Он ярко проявился в воспоминаниях Довбор-Мусницкого, который подробно описал заслуги своих предков, акцентировав внимание на том, что черты характера и особенности мировосприятия во многом произрастают из сословного происхождения³¹.

Кроме того, компонент происхождения в национальной идее проиллюстрирован преклонением перед польскими повстанческими традициями

²⁶ D.G. Dmitriev, *Poliaki na sluzhbe*, s. 137.

²⁷ B. Grombchevskii, *Na sluzhbe rossiiskoi*, s. 16.

²⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 18615. Л. 6–7.

²⁹ M. Kulik, *Polacy wśród wyższych oficerów armii rosyjskiej*, s. 45.

³⁰ J. Dowbor-Muśnicki, *Moje wspomnienia*, s. 13.

³¹ *Ibidem*, s. 12.

и заслугами героев Январского восстания 1863 г. Так, Б. Громбчевский подчеркивает активное участие своего отца в восстании и подробно повествует о встрече с отрядом повстанцев, которых он, будучи ребенком, с нетерпением желал лицезреть³². Ю. Довбор-Мусницкому также не чужда эта тематика, и он, к примеру, затрагивает судьбу сосланных участников восстания 1831 г., проводя своего рода «этнографические» изыскания среди представителей оренбургского и забайкальского казачества, которые именовали себя «поляками». Таков пример его рассуждений по данной проблематике: «Казак-старик, житель поселка Борзя, еще помнил восстание 1831 года, и поведал мне, что поляки были потомками повстанцев»³³.

Подобно Ю. Довбор-Мусницкому судьбе польских повстанцев в Российской империи, а конкретно в Сибири, уделяет внимание Роман Дыбоский, профессор английской словесности, офицер австро-венгерской армии, взятый в плен на Восточном фронте в начале Первой мировой войны. Дыбоский в ходе своего многолетнего пребывания в России соприкасается с ценными для его восприятия польскости «местами памяти». В частности, он отмечает «польское повстанческое культуртрегерство», распространяемое ссыльными поляками среди культурно весьма неблагоприятной русской среды. Соответственно, согласно Р. Дыбоскому, повстанческая традиция являет собой пример европейскости поляков, их причастности к западной культуре, в отличие от подобных «восточным рабам» русских³⁴.

Интерес Ю. Довбор-Мусницкого к историческим сюжетам не уникален. Иные представители польской военной элиты Российской империи так же часто обращались к образам прошлого в своих воспоминаниях. Изучение данных пассажей позволяет сформировать представление об идеологических концепциях, лежащих в основе мировоззрения автора. Ярким примером заинтересованности польского генерала в исторических изысканиях является книга Люциана Желиговского «Забытые истины». Л. Желиговский написал ее в 1943 г., находясь в эмиграции в Лондоне. В своем труде автор выражает панславянские воззрения о создании Славянского союза (*Unia Słowiańska*), которая должна была сплотить все славянские народы. Л. Желиговский апеллирует к единой культурной и цивилизационной осно-

³² B. Grombchevskii, *Na sluzhbe rossiiskoi*, s. 21.

³³ J. Dowbor-Muśnicki, *Moje wspomnienia*, s. 41.

³⁴ L.E. Gorizontov, *Metamorfozy identichnosti poliakov v Rossii v period Pervoi mirovoi i grazhdanskoi voin*, „Slavianskii al'manakh” 2016, №1–2, s. 71, 75–78.

ве славянских народов³⁵. На наш взгляд, эта точка зрения может исходить от рецепции Л. Желиговским, долгие годы посвятившего военной службе в Русской императорской армии, циркулировавших в Российской империи политических идей. Так, заметно влияние на мировоззрение Л. Желиговского концепции неославизма, которая нашла широкий отклик среди польской общественности. Об этом подробно пишет Л. Василевский в книге «Что такое так называемый «неославизм» 1910 г. издания. В своем труде он отмечает, что, к примеру, лидер польской эмиграции Роман Дмовский (бывший депутатом Государственной думы Российской империи) наравне с чешским политическим деятелем Карелом Крамаржем придерживались неославистской концепции развития славянских государств и добились успехов в популяризации этого течения³⁶. Таким образом, панславянские взгляды Л. Желиговского (вероятно, не без влияния неославизма) демонстрируют, что единого представления о будущем Польши, в частности, и славянских народов в целом, у высших офицеров-поляков не существовало. При этом следует отметить, что пример Л. Желиговского – скорее исключение из правил, и идея возрождения сильной и независимой Польши все же превалировала.

В завершение краткого анализа исторического компонента мировоззрения высших офицеров-поляков, важно обратить внимание на их рассуждения о цивилизационных и культурных различиях между русскими и поляками. Любопытно, что они возникают у Ю. Довбор-Мусницкого уже в юном возрасте. Он пишет, что уже тогда доказывал своим товарищам по училищу, что претензии должны предъявлять «не русские к нам (полякам – О.М.), а поляки к русским», и что обладавшие более высоким уровнем культуры поляки поступили цивилизованно, не завоевав Россию на заре противостояния двух стран³⁷.

Я. Яцина довольно бегло описал свои детские годы, отметив, что он, потеряв родителей и с ранних лет воспитывался мачехой. Она являлась «исключительно доброй и благородной женщиной»³⁸, которая, как мы предполагаем, могла заменить отца и мать в дела трансфера польской национальной идеи для пасынка. Проявление национальной идентичности ярко было характерно для Я. Яцины уже в годы обучения в инженерно-морском училище в Кронштадте. Автор в своих воспоминаниях отмечает: «чтобы не

³⁵ L. Żeligowski, *Zapomniane prawdy*, Londyn 1943, s. 8–9.

³⁶ L. Wasilewski, *Czym jest tak zwany «neoslawizm»*, s. 22–43.

³⁷ J. Dowbor-Muśnicki, *Moje wspomnienia* s. 35.

³⁸ J. Jacyna, *30 lat*, s. 7.

забыть родной язык и постоянно «мыслить по-польски», в училище я начал писать дневник на польском языке», даже несмотря на то, что «в училище было очень трудно не только с польской книгой, но даже и со звуком родной речи»³⁹. Правда притеснения на национальной почве среди своих однокурсников Я. Яцина не отмечает, скорее наоборот, говорит о приятельских отношениях с ними⁴⁰.

«Строжайший запрет говорить по-польски» фиксирует и А.И. Деникин, сам наполовину поляк, обучавшийся во Влоцлавском реальном училище в 1882-1889 гг. «В стенах училища, в училищной ограде и даже на ученических квартирах строжайше запрещалось говорить по-польски, и виновные в этом подвергались наказаниям» – так он описывает меры русификации, предпринимаемые имперской администрацией в 1880-е гг. При этом, однако, он отмечает, что многие, вплоть до варшавского генерал-губернатора И.В. Гурко, находили такие меры чересчур репрессивными и нелепыми. На их неэффективность указывает то, что, например, ксендз, который де-юре преподавал Закон Божий на русском языке, в реальности общался со своими учениками по-польски. Более того, сами учащиеся «никогда не говорили между собой по-русски», а немногочисленные русские гимназисты «ополячивались»⁴¹.

В связи с этим, хотелось бы отметить, что, несмотря на жесткую политику русификации, имевшую место по окончании Январского восстания, отношения между русскими и поляками, выраженные в воспоминаниях рассматриваемых деятелей в разделах, посвященных их юности, отнюдь не всегда носят негативный контекст. Любопытно, как в тот непростой для русско-польских отношений период люди иронизировали по поводу восстания 1863-1864 гг. Так, юного Б. Громбчевского, приносившего обед для находящегося в тюрьме отца, стража называла «"маленьким бунтовщиком" и добродушно пропускала внутрь»⁴². А.И. Деникин не только не испытывал дискомфорта, когда его польские товарищи запевали революционные гимны, но и не доносил на них директору училища, хотя именно это пред-

³⁹ *Ibidem*, s. 8. Жесткая языковая политика имперских властей в системе образования, согласно В. Цабану, приводила к утрате юными поляками знания родного языка, что подкреплялось повсеместным использованием русского языка. См.: W. Caban, *Polak czy Rosjanin. Wpływ służby Polaków w carskim korpusie oficerskim w XIX w. na ich świadomość narodową*, „Przegląd Historyczny” 2021, t. 112, z. 3, s. 606.

⁴⁰ J. Jacyna, *30 lat*, s. 8.

⁴¹ A.I. Denikin, *Put' russkogo ofitsera*, s. 21–22.

⁴² B. Grombchevskii, *Na służbie rossijskoi*, s. 23.

полагал его статус «старшего по квартире»⁴³. О примерах доброжелательных взаимоотношений кадетов русского и польского происхождения пишет В. Цабан⁴⁴.

Однако не следует идеализировать межнациональные связи в Российской империи. Так, Ю. Довбор-Мусницкий пишет о том, как к нему относились русские, которых он встречал при переезде в центральные губернии: «Улыбка исчезла, они нахмурились, выражение лица стало обеспокоенным, обдало холодом, когда на вопрос, откуда я родом, я ответил, что я поляк...»⁴⁵. Также стоит обратить внимание на слова Р. Дыбоского, который утверждает, что российские поляки обыкновенно беседовали о том, «кто из знакомых арестован, кому грозит обыск, где... доноски, кто куда бежал и т. д.»⁴⁶. Безусловно, это свидетельствует о трудном положении поляков в Российской империи. Таким образом мы призываем к сбалансированному подходу, не оправдывающему и не очерняющему политику русских властей по отношению к полякам, что зачастую, к сожалению, становится предметом околонучных спекуляций.

В целом, уже в юности у исследуемых деятелей влияние сопутствующего национальному фактора происхождения на мировосприятие было значительным. Апелляция к исторической справедливости и опыту прошлого – характерной чертой в выстраивании личной позиции по отношению к межнациональным связям.

Религиозный фактор самоидентификации высших офицеров польского происхождения в Российской империи

Если в юности, обучаясь в училищах, рассматриваемые нами деятели в целом не сталкивались с острым неприятием их национальной идентичности русскими, то это было компенсировано при вхождении в структуру Русской императорской армии, «плавильного котла» народов Российской империи. В ней существовали разного рода ограничения по службе для инородцев, а точнее сказать иноверцев, поскольку идентичность человека

⁴³ A.I. Denikin, *Put' russkogo ofitsera*, s. 23.

⁴⁴ W. Caban, *Polak czy Rosjanin*, s. 605.

⁴⁵ J. Dowbor-Muśnicki, *Moje wspomnienia*, s. 35.

⁴⁶ L.E.Gorizontov, *Metamorfozy identичности poliakov*, s. 75.

определялась русскими властями в соответствии с его конфессиональной принадлежностью⁴⁷. Соответственно, мы бы также хотели рассмотреть религиозный фактор самоидентификации высших офицеров-поляков, который в случаях Б. Громбчевского, Я. Яцины и Ю. Довбор-Мусницкого не находится в отрыве от национального, а скорее служит его дополнительным компонентом.

Для «католиков, уроженцев Царства Польского и западных и юго-западных губерний», желавших поступить в военные учебные заведения, открывавшие путь к высшему офицерству, существовали лимитирующие их число квоты. По большей части формулировка носила следующий характер: «В постоянном составе не допускаются; в обучающемся же составе разрешается иметь 20% общего положенного числа офицеров»⁴⁸. Соответственно, возможность поступления у поляков была, однако они часто сталкивались с трудностями, обусловленными полонофобскими настроениями среди руководства данных учебных заведений.

С таким отношением встретился Ю. Довбор-Мусницкий. Он уже долгое время служил в Русской императорской армии (равно как и его братья Константин и Чеслав⁴⁹), и подчиненные ему солдаты прониклись к нему симпатией и добродушно называли «полковник Добров». Учитывая свою безупречную службу, а также интерес к стратегии и тактике, Ю. Довбор-Мусницкий решил подать документы на поступление в Николаевскую академию Генерального штаба. На свой рапорт он получил следующий ответ: «поляки, а конкретнее, католики, рожденные в Царстве Польском, к поступлению временно не допускаются» несмотря на то, что среди слушателей были поляки-католики. Более того, командир дивизии, в подчинении которого находился Ю. Довбор-Мусницкий, также выступил против его перехода в Николаевскую академию Генерального штаба. Впоследствии он служил в 11-ом гренадерском полку, который «был одним из образцовых и лучших полков в армии», и, в частности, выполнял функции почетного караула во время Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде⁵⁰. Лишь в 1899 г. Ю. Довбор-Мусницкий смог поступить в Николаевскую академию Генерального штаба благодаря тому, что в качестве своей религии указал кальвинизм,

⁴⁷ L.E. Gorizontov, *Paradoksy imperskoj politiki*, s. 104.

⁴⁸ *Ibidem*, s. 224–237.

⁴⁹ M. Kulik, *Bracia Dowbor-Muśniccy*, s. 56–57.

⁵⁰ J. Dowbor-Muśnicki, *Moje wspomnienia*, s. 43–44.

а не католицизм⁵¹, и смог успешно завершить высшее военное учебное заведение в 1902 году⁵². Согласно М. Кулику, Ю. Довбор-Мусницкий последовал примеру своего старшего брата Константина, до того сменившего вероисповедание для поступления в Военно-юридическую академию. Показательно, что не перешедший в протестантизм Ч. Довбор-Мусницкий не смог достичь карьерных высот своих братьев⁵³.

Следовательно, ради продвижения по карьерной лестнице высшие офицеры-поляки могли завуалировать свою истинную приверженность католицизму, что указывает на ситуативность самоидентификации и преобладание некоторых секулярных элементов восприятия над религиозными.

Любопытно также сравнить смену вероисповедания Ю. Довбор-Мусницкого с подобным случаем в жизни Ю. Пилсудского. Для бракосочетания с М. Юшкевич он перешел из католицизма в лютеранство⁵⁴. Это также показывает, что смена католицизма как своего рода «опальной» религии на более импонируемый властями протестантизм (к его направлениям принадлежали многочисленные немцы-представители элиты Российской империи) практиковалась поляками как способ разрыва шаблона и удовлетворения своих личных нужд.

Относительно мировосприятия Ю. Довбор-Мусницкого, хотелось бы обратить внимание также на то, как тесно у него переплетаются национальное и религиозное начала. Так, при посещении Костромы, он отмечает, что этот город был местом ссылки католических священников, и с жалостью и недоумением описывает, как влачит жалкое существование некий «ксендз Жук, которому даже запретили проводить святую мессу». Данный пассаж является своеобразным продолжением рассуждений о сосланных повстанцах 1831 г., формируя образ пострадавшего от репрессий «русского правительства, наполовину состоящего из немцев»⁵⁵ польского народа, совмещающего в себе собственно «польскость», то есть национальный фактор, и католическую веру.

Я. Яцина смог избежать подобных ограничений, поскольку служил морским офицером, а «тогда полякам-морякам, отправленным в академию Военного министерства, не приходилось сталкиваться с религиозным притес-

⁵¹ *Ibidem*, s. 44; РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. ПС. 338–637. Л. 19 об.

⁵² P. Stawecki, *Słownik generałów*, s. 103.

⁵³ M. Kulik, *Bracia Dowbor-Muśnickcy*, s. 58.

⁵⁴ G.F. Matveev, *Iużef Pilsudskii*, Moskva 2008, s. 55.

⁵⁵ J. Dowbor-Muśnicki, *Moje wspomnienia*, s. 41–42.

нением, как это было с офицерами сухопутной армии»⁵⁶. Б. Громбчевский же, проходя службу в Центральной Азии, находился в той ситуации, когда каждый талантливый офицерский кадр, невзирая на национальное происхождение, был на счету. Следовательно, отсюда вытекает фактор воинской чести и лояльности Дому Романовых, накладывающийся на уже упомянутые компоненты иерархии самоидентификации.

Фактор воинской чести и лояльности Дому Романовых в иерархии самоидентификации высших офицеров-поляков

Служба в Русской императорской армии, своеобразной интеграционной системе, выстраивающей особую служебную идентичность, отнюдь не снизила роль национального фактора в мировоззрении рассматриваемых высших офицеров-поляков, что ярко проявилось при их вхождении в высшие эшелоны власти Российской империи. Применительно к этому мы бы хотели акцентировать внимание на двух интересных примерах из биографий Я. Яцины и Б. Громбчевского.

Я. Яцина, будучи профессором артиллерийского дела, рассматривался директором Морского училища в качестве преподавателя основ военной науки для князя Г.А. Юрьевского, сына императора Александра II отmorganatic брака с Е.М. Долгоруковой. Однако выбор сделан в пользу иного кандидата, и Я. Яцине вскоре было предложено преподавать для трех сыновей великого князя Владимира Александровича, брата императора Александра III. Очень заинтересованный этой работой, Я. Яцина, между тем, беспокоился о том, что польское происхождение воспрепятствует реализации данного предложения. Он счел необходимым переговорить с великим князем Владимиром, чтобы тот, как пишет Я. Яцина, «не засомневался из-за моей польскости». «В соответствии с традициями и убеждениями своими я – поляк, римско-католической веры», – эти слова Яцина адресует великому князю, на что тот невозмутимо отвечает: «Прошу ответить этому непокорному ляху, что он будет преподавать математику и артиллерию, а религию моим детям будет разъяснять митрополит...»⁵⁷

⁵⁶ J. Jacyna, 30 lat, s. 9.

⁵⁷ *Ibidem*, s. 10–11; W. Caban, *Polak czy Rosjanin*, s. 609–610.

Любопытно при этом, что один из воспитанников Я. Яцины, великий князь Кирилл Владимирович, не называет его по имени среди своих учителей. Великий князь упоминает преподавателей истории, Закона Божьего, музыки, французского и немецкого языков, а также географии, но обходит стороной математику. Вероятно, это связано с тем, что, по словам Кирилла Владимировича: «подготовка в области математики на первых порах оставляла желать лучшего... тогда меня не учили ни высшей математике, ни тригонометрии, ни механике или динамике». При этом он отмечает важность этого предмета для своей будущей карьеры⁵⁸.

Б. Громбчевский в 1899-1903 гг. являлся генеральным комиссаром Квантунской области, осуществляя управление стратегически важной базой русского военно-морского флота в акватории Тихого океана, Порт-Артуром. В 1903 г., в результате непонимания начальством нарастающей угрозы войны с Японией (Б. Громбчевский не раз посещал эту страну и пророчески отметил ее милитаристские приготовления) он подал прошение о выходе в отставку. Благодаря уважительному отношению к нему императора Николая II, рапорт Б. Громбчевского, как и его просьба о переводе в центральные губернии России, были удовлетворены, и бывший комиссар Квантунской области получил назначение в Астрахань, где он занял посты губернатора и наказного атамана местного казачьего войска⁵⁹. Последнее представляется уникальным, поскольку это был едва ли не единственный в истории России случай, когда поляк и католик становился полным казачьим атаманом, то есть входил в высшее руководство сословия, определяемого как опора самодержавия и православия. Феноменальность этого явления была отмечена и самим Николаем II, принявшим решение о назначении Б. Громбчевского: «Я долго думал, но затем выбрал вас на должность полного гетмана, хотя ни при моей власти, ни на святой памяти родителя моего и деда и, насколько помню, и прадеда, не было такого случая, чтобы поляка и католика когда-либо именовали гетманом казацким, который является опорой трона и династии. Отсюда вы можете почувствовать, как я ценю вашу службу и как вам доверяю»⁶⁰.

Рассмотренные нами пассажи свидетельствуют о важном компоненте межнациональных отношений в поздней Российской империи - вопреки формальным установлениям жесткой русификации времен Александра

⁵⁸ Kirill Vladimirovich, *Moia zhizn'*, s. 20–21.

⁵⁹ B. Grombchevskii, *Na sluzhbe rossiiskoi*, s. 161–162, 173–175.

⁶⁰ *Ibidem*, s. 175.

III, элита зачастую игнорирует постулируемые государством предпочтения в подборе преподавателей, чиновников и офицеров в соответствии с их «правильным» национальным происхождением. Заметно, что на данном этапе превалирует принцип верховенства личных качеств над политической конъюнктурой, что характеризует Россию рубежа XIX–XX вв. именно как империю, а не национальное государство с системой этнической иерархии, преобладания титульной нации.

Впрочем, в конце XIX в. уже развивается идея о необходимости построения национального государства с русской нацией во главе. Одним из ярких примеров может послужить книга А.Н. Куропаткина (товарища Б. Громбчевского по службе) «Русская армия». В ней А.Н. Куропаткин положительно оценивает политику ассимиляции и настаивает на благе русификации для империи: «Живущему ныне и грядущему поколениям в XX веке предстоит решение многих огромной важности внутренних вопросов. В числе их одним из главных стоит примирение с такими племенами, нам единокровными, как, например, польское, включение в общую русскую семью всех других народностей, проживающих в России, так, чтобы на великой Руси каждый русский подданный считал себя, прежде всего, русским и гордился бы этим; чтобы за границей поляк, армянин, финн на вопрос: кто они? — ответил бы: мы русские»; «Русский язык и русские законы и должны послужить тем цементом, который должен сковать в одно нераздельное целое все племена, населяющие Россию»⁶¹. Следовательно, среди русского генералитета наблюдался рост националистических тенденций, что означало готовность элит к качественному переходу от имперского опыта России к выстраиванию национального государства.

При этом следует учитывать, что конкретный польский случай не может свидетельствовать в целом о политике империи по отношению к инородцам в силу своего уникального характера, а также региональных различий мер русификации⁶².

Таким образом, проанализированные нами эпизоды биографий Б. Громбчевского, Я. Яцины и Ю. Довбор-Мусницкого свидетельствуют о том, что, национальный фактор (а также сопутствующие ему религиозный компонент и фактор происхождения), составляющий основополагающую часть их самоидентификации, не помешал им построить успешную карьеру в Российской империи. Мы обуславливаем это превалированием имперского интеграци-

⁶¹ A.N. Kuropatkin, *Russkaia armiiia*, s. 281.

⁶² A.I. Miller, *Imperiia Romanovykh*, s. 80–81.

онного начала в государственной структуре России второй половины XIX, то есть наблюдаемого среди как значительной части элиты, так и рядовых подданных (одноклассники, товарищи рассматриваемых деятелей, солдаты, находившиеся в их подчинении и т.д.) восприятия личных качеств человека как превалирующих над национальным происхождением. Более того, данные условия привели к образованию особого офицерского корпоративизма, что, несомненно, способствовало упрощению построения личностных связей среди элиты Российской империи. Однако нельзя не обратить внимание на то, что в определенные эпизоды жизни та или иная самоидентификация превалирует над другой. Такое положение дел позволяет говорить о ситуативной самоидентификации высших офицеров-поляков на русской службе.

Заключение

Высшие офицеры польского происхождения играли важную роль как в Русской императорской армии, так и в высших эшелонах власти Российской империи, составляя часть ее элиты. Подтверждают это рассмотренные нами биографии Б. Громбчевского, Я. Яцины и Ю. Довбор-Мусницкого. Вопреки усиливавшейся с царствования Александра III русификации и началу русского нациестроительства, эти деятели смогли достичь карьерных высот в Российской империи, сохранив при этом национальную самоидентификацию. Проявляя интерес к прошлому своего народа, и, в частности, сохраняя память о своих предках, выстраивая линию сословной преемственности, рассмотренные нами высшие офицеры-поляки в значительной степени отождествляли себя с категориями «польскости» и социальной принадлежности, которые были тесно связаны друг с другом.

Впрочем, восприятие себя как поляка сосуществовало и с иными факторами самоидентификации. Огромное значение имел фактор лояльности Дому Романовых и верность присяге, которые способствовали выстраиванию коммуникаций высших офицеров-поляков со своими русскими сослуживцами, по большей части еще мыслящими в рамках имперского дискурса, которому присущи превалирование личных качеств, а также коммуникаций с представителями элиты империи над национальным происхождением. Также немаловажную роль играл религиозный фактор саморефлексии, поскольку устойчивой являлась связь «польскости» с при-

верженностью католической вере. Однако пример Ю. Довбор-Мусницкого показывает, что ради карьерных достижений можно было скрыть в официальных документах свою истинную веру.

Следовательно, при изучении иерархии самоидентификации польских офицеров на русской службе следует обратить внимание на то, что в ней не превалировала лишь «польскость», то есть национальный фактор. Их самовосприятие во многом базировалось и на верности государю, и на чувстве воинского долга, на религиозных и политических представлениях, социальном происхождении. В целом же речь идет о своего рода ситуативной самоидентификации, преобладании того или иного фактора при определенных условиях. В дальнейшем, при трансфере военных элит Российской империи в независимую Польшу, высшие офицеры-поляки являлись носителями как ситуативной самоидентификации, так и в целом опыта службы в империи, что зачастую предполагало трудности при интеграции в общество Второй Речи Посполитой.

Список использованных источников и литературы (BIBLIOGRAPHY)

Источники

Архивные материалы

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Ф. 400. Главный штаб Военного министерства, г. Петербург, Оп. 9. Т. 1–37, 4-е отделение – по личному составу офицерских чинов, Д. 18615. О переводе лиц в распоряжение Туркестанского Генерал-Губернатора, Л. 6–7.

РГВИА, Ф. 409. Послужные списки, аттестации и наградные листы офицеров русской армии (коллекция), Оп. 1. Послужные списки офицеров, ПС. 338–637, Л. 19 об.

Источники личного происхождения

Denikin A.I., *Put' russkogo ofitsera*, Moskva 2012.

Dowbor-Muśnicki J., *Moje wspomnienia*, Warszawa 1935.

Grombchevskii B., *Na sluzhbe rossiiskoi: fragmenty vospominanii*, per. s pol'sk. M.G. Leonov; lit. red. per. E.G. Korol'kova, Moskva 2016.

Jacyna J., *30 lat w stolicy Rosji (1888–1918): wspomnienia*, Warszawa 1926.

Kirill Vladimirovich, *Moia zhizn' na sluzhbe Rossii*, Sankt-Peterburg 1996.

Публицистика

Kuropatkin A.N., *Ruskaia armia*, Sankt-Peterburg 2003.

Wasilewski L., *Czym jest tak zwany «neoslawizm»*, Warszawa 1910.

Литература

- Caban W., *Polak czy Rosjanin. Wpływ służby Polaków w carskim korpusie oficerskim w XIX w. na ich świadomość narodową*, „Przegląd Historyczny” 2021, t. 112, z. 3., s. 603–619.
- Dmitriev D.G., *Poliaki na sluzhbe v tsarskoi armii nakanune Pervoi mirovoi voiny (k vo-prosu o vektore sotsial'noi motivatsii)*, „Slavianskii al'manakh” 2014, № 1–2, s. 134–141.
- Gorizontov L.E., *Metamorfozy identichnosti poliakov v Rossii v period Pervoi mirovoi i grazhdanskoi voin*, „Slavianskii al'manakh” 2016, № 1–2, s. 69–81.
- Gorizontov L.E., *Paradoksy imperskoi politiki : poliaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX – nachalo XX veka)*, Moskva 1999.
- Kulik M., *Bracia Dowbor-Muśniccy – Polacy na służbie rosyjskiej*, „Niepodległość i Pamięć” 2016, nr 4, s. 53–72.
- Kulik M., *Polacy wśród wyższych oficerów armii rosyjskiej Warszawskiego Okręgu Wojskowego (1865–1914)*, Warszawa 2008.
- Matveev G.F., *Iużef Pilsudskii*, Moskva 2008.
- Miller A.I., *Imperiia Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniia*, Moskva 2008.
- Stawecki P., *Słownik generałów Wojska Polskiego 1918–1939*, Warszawa 1994.
- Volkov S.V., *Russkii ofiterskii korpus*, Moskva 1993.
- Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii*, otv. red. M.D. Dolbilov, A.I. Miller, Moskva 2007.
- Żeligowski L., *Zapomniane prawdy*, Londyn 1943.

O autorze:

Oleg Mikhin – historyk, pracownik Rosyjskiego Państwowego Uniwersytetu Humanistycznego w Moskwie.

Zainteresowania badawcze: specjalizuje się w historii politycznej, kulturalnej i społecznej Polski lat 1860–1950. Interesują go projekty kolonialne II Rzeczypospolitej (w szczególności działalność Ligi Morskiej i Kolonialnej), miejsce Polski w makrosystemie imperiów, obieg i wykorzystanie europejskiej wiedzy kolonialnej wśród narodów Europy Środkowej.

e-mail: mikhin2000@list.ru